

Сказка десятая и последняя о Емеле-дурачке

В некоторой было деревне, жил мужик, и у него было три сына: два были умные, а третий дурак, которого звали Емельяном. И как жил их отец долгое время, то и пришел в глубокую старость, и призвал к себе всех сыновей, говорил им: «Любезные дети! Я чувствую, что мне недолго жить, то и оставляю вам дом и скотину, которые вы разделите на равные части, также оставляю вам денег на каждого по сто рублей». После того вскоре отец их умер, и дети, похороня его честно, жили благополучно. Потом вздумали Емельяновы братья ехать в город и торговать на те триста рублей, которые им отказаны были их отцом, то и говорили они дураку Емельяну: «Послушай, дурак! Мы поедем в город, возьмем с собой и твои сто рублей, и когда приторгуем барыш, то купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, а ты останешься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены (ибо они были женаты), а твои невестки, то ты сделай». Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, отвечал братьям своим, что он делать будет все, что только его невестки заставят. После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил с своими невестками.

Потом спустя несколько времени, в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водой, но дурак, лежа на печи, сказал: «Да, а вы-то что?» Невестки закричали на него: «Как, дурак, мы-то что? Ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти». Но он говорил: «Я ленюсь». Невестки опять на него закричали: «Как ты ленишься, ведь ты же захочешь есть, а когда не будет воды, то и сварить ничего нельзя». Притом сказали: «Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя они и купили ему красный кафтан и все, но чтоб они ничего не давали». Что слыша дурак и желая получить красный кафтан и шапку, принужден был идти. Слез с печи и начал обуваться и одеваться, и как совсем оделся, и взял с собою ведры и топор, пошел на реку, ибо и деревня их была подле самой реки. И как пришел на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую, потом почерпнул в ведры воды и поставил их на льду, а сам стоял подле проруби и смотрел в воду. В то самое время увидел дурак, что плавала в той проруби пребольшая щука. Емеля сколько ни был глуп, однако пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить, и, подошед к ней близко, ухватил вдруг ее рукою, и вытащил из воды, и положил ее за пазуху, хотел идти домой, но щука говорила ему: «Что

ты, дурак, на что ты меня поймал?» — «Как на что? — говорил он. — Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить». — «Нет, дурак, не носи ты меня домой, апусти ты меня опять в воду, я тебя за то сделаю богатым человеком». Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак ее не отпускает, говорила: «Слушай, дурак,пусти же ты меня в воду, я тебе сделаю то, чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанию исполнится». Дурак, слыша сие, весьма обрадовался, ибо как он был чрезвычайно ленив, то и думал сам себе: «Когда щука сделает то, что чего я ни пожелаю, то все будет готово, и я уже работать ничего не буду». Потом говорил он щуке: «Я тебя отпущу, только ты сделай то, что ты обещаешь». На что отвечала щука: «Ты прежде меняпусти в воду, а я обещание свое исполню». Но дурак говорил ей, чтоб она прежде свое обещание исполнила, а потом уже он ее отпустит. Щука, видя, что он ее не хочет отпустить в воду, говорила: «Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как делать то, чего ты ни пожелаешь, то надобно, чтоб ты теперь сказал, что ты хочешь». Дурак говорил ей: «Я хочу, чтоб мои ведры с водой сами пошли на гору (ибо деревня та была на горе), но чтоб вода из них не расплескалась». Щука тотчас ему говорила: «Помни же, Емельян, те слова, которые я стану тебе сказывать. И вот в чем те слова состояли: по щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведры, сами на гору». Дурак после ее говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведры, сами на гору». И в тот час ведры и с коромыслом пошли сами на гору. Емеля, видя сие, весьма удивился, потом говорил щуке: «Все ли так будет?» На что щука отвечала, что «все то будет, чего только пожелаешь, но не забудь только те слова, которые я тебе сказывала». После тогопустил он щуку в воду, а сам пошел за ведрами. Соседи его, видя, удивлялись и говорили между собой: «Что это дурак делает, ведры с водой идут сами, а он идет за ними». Но Емеля, не говоря ничего с ними, пришел домой, и ведры сами взошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь.

Потом спустя несколько времени говорили ему опять невестки: «Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел да дров нарубил». Но дурак говорил: «Да, а вы-то что?» — «Как мы? — вскричали на него невестки. — Ведь теперь зима, а ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе же будет холодно». — «Я ленюсь», — говорил дурак. «Как ленишься? — говорили ему невестки. — Ведь ты же озябнешь». Притом они говорили: «Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки и сапогов». Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров, а как был он чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезать с печи, то он и говорил тихонько, на печи лежа, сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, топор, поди и

наруби дров; а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь». Топор откуда ни взялся выскочил на двор и начал рубить, а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивлялись Емельяновой хитрости. И как каждый день, когда только дурак велел нарубить дров, то топор и нарубит, и жил он с невестками несколько времени.

Потом говорили ему невестки: «Емеля! Теперича у нас нет дров, то съезди в лес и наруби». Дурак им говорил: «Да а вы-то что?» — «Как мы? — отвечали невестки. — Ведь лес-ат далеко, а теперь зима, так холодно ехать нам в лес за дровами». Но дурак им говорил: «Я ленюсь». — «Как ленишься? — говорили ему невестки. — Ведь тебе же будет холодно. А ежели ж ты не поедешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим тебе давать ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных». Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был ехать в лес за дровами. И встал с печи, начал обуваться и одеваться, и как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под сарая сани, взял с собой веревку и топор и сел в сани, говорил своим невесткам: «Отворите ворота». Невестки, видя, что он едет в санях да без лошади, ибо дурак лошади не запрягал, говорили ему: «Что ты, Емеля, сел в сани, а лошади для чего не запряг?» Но он говорил, что лошади ему не надобно, а только чтоб отворили ворота. Невестки ему отворили, а дурак, сидя в санях, говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-тка, сани, ступайте в лес». После сих слов сани тотчас поехали со двора, что видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко, что хотя бы пара была запряжена лошадей, то нельзя бы шибче ехать. И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу. Но как он не знал того, что надобно кричать для того, чтоб не передавить народ, то он ехал по городу и не кричал, чтоб посторонились, и передавил народу множество. И хотя за ним гнались, однако догнать его не могли, и Емеля уехал из города, а приехал к лесу, остановил свои сани. Дурак вылез из саней и говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, топор, руби-ка дрова, а вы, поленья, сами в сани кладитесь и вяжитесь». Лишь только сказал дурак сии речи, то топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и веревкой вязались. После того как нарубил он дров, то велел еще топору вырубить одну дубинку, и как топор вырубил, то он сел на воз и говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжайте, сани, домой». Сани тотчас и поехали весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передавил много народу, то и дожидались его люди, чтоб поймать. И как въехал он в город, то они его и поймали, и стали тащить его с воза долой, притом начали его бить. Дурак, видя, что его тащут и бьют, потихоньку сказал сии слова: «По щучьему

веленью, а по моему прошенью, ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги». В тот час выскочила дубина и начала всех бить, и как народ бросился бежать, а дурак поехал из города в свою деревню, и дубина, когда всех перебила, то покатила след за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь.

И после того как он уехал из города, то и стали об нем везде говорить, не столько о том, что он передал множество народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях и без лошади. И мало-помалу сии речи дошли до двора и потом и до самого короля. И как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть, и для того послал одного офицера, и дал ему несколько солдат, чтоб его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и попал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезти к королю». Староста тотчас показал ему тот двор, где жил Емеля, и офицер вошел в избу, спрашивая: «Где дурак?» А он, лежа на печи, отвечал: «На что тебе?» — «Как на что? Одевайся скорее, я повезу тебя к королю». Но Емеля говорил: «А что мне там делать?» Офицер на него рассердился, что он неучтиво отвечал, и ударил его по щеке. Дурак же, видя, что его бьют, сказал потихоньку: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги». Дубинка тотчас выскочила и начала их бить, и перебила всех, как офицера, так и солдат, и офицер принужден был ехать назад.

И как приехал в город, то и доложили королю, что дурак всех перебил. Король весьма удивлялся и не верил тому, чтоб мог он перебить всех; однако выбрал король умного человека, которого и послал с тем, чтоб как возможно привезти дурака, хотя обманом. Посланный от короля поехал, и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорил ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его взять, а ты призови мне тех, с кем он живет». Староста тотчас побежал и привел его невесток, и посланный от короля спрашивал их: «Что дурак любит?» А невестки ему отвечали: «Милостивый государь! Наш дурак любит, что ежели станешь его просить неотступно о чем, и он откажет раз и другой, а в третий раз уже не откажет и сделает. А не любит он того, когда с ним грубо поступают». Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе. После того, накупя изюму, черносливу и винных ягод, пошел к дураку, и как пришел в избу, то подошел к печи и говорил: «Что ты, Емеля, лежишь на печке?» И дал ему изюму, черносливу и винных ягод, и говорил: «Поедем, Емеля, со мной, я тебя отвезу к королю». Но дурак говорил: «Мне и тут тепло». Ибо он ничего, кроме тепла, не любил. А посланный начал его просить: «Пожалуйста, Емеля, поедem, там тебе будет хорошо». — «Да, —

говорил дурак, — я ленюсь». Но посланный стал его еще просить: «Пожалуйста, поедem, там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги». Дурак, услыша, что красный кафтан велют ему сшить, ежели поедет, говорил: «Поезжай же ты вперед, а я за тобой же буду». Посланный не стал ему более докучать, отошел от него и спрашивал тихонько у его невесток: «Не обманывает ли меня дурак?» Но они уверяли, что он уже не обманет. Посланный поехал назад, а дурак после его полежал еще на печи и говорил: «Ох! Как мне не хочется к королю ехать, но так уже и быть». Потом говорил: «Нут-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжай-ка, печь, прямо в город». Тотчас изба затрещала, и печь пошла вон из избы, и как сошла со двора, то и поехала печь столь шибко, что догнать нельзя. И он догнал еще на дороге того посланного, который за ним ездил, а с ним приехал и во дворец.

И как король увидел, что приехал дурак, то вышел со всеми своими министрами его смотреть, и, видя, что Емеля приехал на печи, весьма король удивился. Но дурак лежал и ничего не говорил. Потом спрашивал его король, для чего он столько передавал народу, как ездил за дровами в лес? Но Емеля говорил: «Я чем виноват? Для чего они не отсторонились?» И в то время подошла к окошку королевская дочь, и смотрела на дурака, а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела, и, видя дурак ее весьма прекрасну, тихонько говорил: «Что кабы по щучьему веленью, а по моему прошенью влюбилась едакая красавица в меня». И лишь только сии слова выговорил, то королевна, смотря на него, и влюбилась, а дурак после того сказал: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью ступай-ка, печь, домой». В тот час печь и поехала изо дворца; и выехал за город, поехал домой; а приехавши, печь опять стала на прежнее место. И Емеля жил после того несколько времени благополучно.

Но в городе у короля происходило другое, ибо по дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить своего отца, чтоб выдал ее за дурака в замужество. Король за то весьма рассердился на нее и на дурака и не знал, как его взять. В то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который и прежде ездил за Емелей и не умел его взять, то за вину, что он его не взял, послать. Король по их совету приказал представить того офицера, и как офицер пред него предстал, тогда король говорил ему: «Слушай, друг мой, я тебя прежде посылал за дураком, но ты его не привез, то за вину твою посылаю я тебя в другой раз, и чтоб ты привез его неотменно. Ежели привезешь, то будешь награжден, а ежели не привезешь, то будешь наказан». Офицер, выслушав от короля, поехал немедленно за дураком, и как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему: «Вот тебе

деньги, искупи все то, что надобно завтра к обеду, и позови Емелю, и как будет он к тебе обедать, то пой его до тех пор, когда ляжет здесь спать». Староста, зная, что он приехал от короля, принужден был его послушаться и, искупив все то, позвал и дурака. И как Емеля сказал, что будет, то и дожидался его офицер с великою радостью.

И на другой день пришел дурак, то и начал его староста поить, и напоил его так, что Емеля лег спать. Офицер, видя, что он спит, в тот час связал и приказал подать кибитку, и как подали, то положили дурака. Потом сел и офицер в ту кибитку и повез его в город. И как подъехал он к городу, то повез его прямо во дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера, и как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку, и чтоб набиты были железные обручи, что тотчас же и было сделано, и принесена была она к королю, и король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою дочь и дурака и велел их засмолить. И как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе же велел пустить ту бочку в море, и по его приказанию немедленно ее пустили. Король возвратился в свой город, а бочка, пущенная по морю, плыла несколько часов, и дурак во все то время спал, а как проснулся, и видя, что темно, то спрашивал сам у себя: «Где я?» Ибо он думал, что он один, но принцесса ему говорила: «Ты, Емеля, в бочке, да и я с тобой посажена». — «А ты кто?» — спросил дурак. «Я королевская дочка», — отвечала она и рассказала ему, за что она посажена с ним вместе в бочку. Потом просила его, чтоб он освободил себя и ее из бочки. Но дурак говорил: «Мне и тут тепло». — «Сделай милость, — говорила принцесса, — сжался на мои слезы и избавь меня из сей бочки». — «Как же не так, — говорил Емеля, — я ленюсь». Принцесса опять его начала просить: «Сделай милость, Емеля, избавь меня от сей бочки и не дай мне умереть». Дурак, будучи тронут ее просьбой и слезами, сказал ей: «Хорошо, я для тебя это сделаю». После того потихоньку говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью выкинь-ка ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству. А ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама и расшибися». Лишь только успел дурак выговорить сии слова, как море начало волноваться, и в тот час выкинуло бочку на сухое место, а бочка сама и рассыпалась. Емеля встал и пошел с принцессою по тому месту, куда их выкинуло.

И увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было премножество разных деревьев со всякими плодами. И принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове, а после того говорила: «Что ж, Емеля, где мы будем жить, ибо нет здесь ни шалаша, ничего». Но дурак говорил: «Вот ты уж и многого требуешь». — «Сделай

милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик, — говорила принцесса, — чтоб можно нам было где во время дождя укрыться». (Ибо принцесса знала, что он все может сделать, ежели только захочет). Но дурак сказал: «Я ленюсь». Она опять начала его просить. И Емеля, будучи тронут ее просьбою, принужден был для нее сделать и, отошед от нее, говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью будь среди сего острова такой дворец, чтоб вдвое был лучше королевского и чтоб от моего дворца до королевского дворца был хрустальный мост, а во дворце чтоб были разного звания люди». И лишь успел выговорить сии слова, то в ту ж минуту и появился преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошел с принцессой во дворец и увидел, что в покоях было весьма богатое убранство и было премножество людей, как лакеев, так и всяких разночинцев, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все были люди как люди, а он был один только не хорош и глуп, захотел, чтоб сделаться получше, и для того говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошению, кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезмерно умен». И лишь успел выговорить, то в ту же минуту сделался так прекрасен, а притом и умен, что все удивлялись.

После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак. И как приехал во дворец, то министры представили его пред короля, и посланный от Емели говорил: «Милостивый государь! Я прислан от моего господина с покорностию просить вас к себе кушать». Король спрашивал: «Кто таков твой господин?» Но посланный отвечал: «Я не могу вам сказать, милостивый государь (ибо дурак ему не велел сказывать про себя, кто он таков), о моем господине ничего; а когда вы сами будете кушать, в то время он вам и скажет о себе». Король, любопытствуя знать, кто прислал его звать кушать, сказал посланному, что он будет непременно, и посланный возвратился назад. А когда пришел тот час, то король поехал со всеми министрами к дураку по тому мосту. И как приехал король во дворец, то вышел Емеля навстречу к королю и принимал его за белые руки, целовал в сахарные уста, вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браные, за ества сахарные, за питья медвяные, и за столом король и министры пили, ели и веселились. А как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю: «Милостивый государь! Узнаете ли вы меня, кто я таков?» И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом и лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было его узнать, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил: «Помните ли, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во

дворец, и вы его, засмоля в бочку и с дочерью, пустили в море? И так, узнайте теперь меня, что я тот самый Емеля».

Король, видя его пред собою, весьма испужался и не знал, что делать. А дурак в то время пошел за его дочерью и привел ее пред короля. Король, увидя свою дочь, весьма обрадовался и говорил дураку: «Я перед тобой весьма виноват, и за то отдаю тебе свою дочь в замужество». Дурак, слыша сие, с покорностию благодарил короля, и как у Емели все было готово к свадьбе, то в тот же день и праздновали ее с великим великолепием, а на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были чаны с разными напитками. И как веселие то отошло, то король отдавал ему свое королевство, но он не захотел. После того король поехал в свое королевство, а дурак остался в своем дворце и жил благополучно.